

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТОПОНИМОВ

Т. В. Хвесько

ГОУ ВПО ТюмГМА Росздрава

Если в апеллятивах возможности словосложения ограничены рамками выражения понятия, то в топонимии такого ограничения не существует. В топонимии выявляются практически безграничные возможности для объединения элементов, что ведет к появлению комбинаций, невозможных в апеллятивах. Чтобы показать структурную индивидуальность топонимных моделей, отражающих культурно-исторические особенности нации следует выяснить, почему вновь возникающие топонимы ориентируются не на апеллятивное словосложение, а на существующую системную топонимную модель, что имеет существенные последствия для этнолингвистической интерпретации топонимов. Функция адресности, отличия от подобных, свойственная для топонимии, означает, что сопоставление происходит в ряду однотипных объектов; называя смежные озера, имядатель фиксирует в названии, как правило, тот признак, который не является для них общим, единым.

Или же, в крайнем случае, это общее свойство может закрепляться лишь в названии одного из объектов, иначе адресность исчезает. Не вполне корректно утверждать, что топонимия прямо отражает объективную действительность, например, то, что было свойственно культуре создателей географических названий определенной местности и определенного времени. Это отражение достаточно специфично: единый для ряда географических объектов одного рода признак редко кладется в основу номинации. Отсюда, между прочим, следует, что чем более общий признак отражен в названии, тем ограниченнее, уже было число однотипных географических объектов, на фоне которых оно возникло. Если определяемый объект является общеупотребительным географическим термином, он при фиксации на картах, в словарях географических названий обычно выносится за пределы топонима. Черная, р.; Белое, оз. Но при употреблении в речи второй компонент часто сохраняется (или в исконной постпозиции, или современной официальной препозиции) – иначе могут создаваться определенные трудности при коммуникации и идентификации объекта. Эта же проблема вызывает закономерный разнобой в географических изданиях, когда под давлением речевой традиции приходится фиксировать: Онежское озеро. Черное море наряду с Белое, оз. Учитывая систематизирующую роль географического термина в русской топонимии И.С. Просвиркина представляет структуру составного топонима как трехчленную: определяемая часть топонима, выраженная чаще всего существительным и называющая, квалифицирующая географический объект, - **квалификатор**; определяющая часть топонима, выраженная чаще всего прилагательным и дифференцирующая объект, - **дифференциатор**. Квалификатор и дифференциатор являются собственно топонимом и отражают мотивы номинации. Но также необходимо учитывать и обозначение вида объекта, географический термин, идентифицирующий объект, - **идентификатор**, который может оставаться за пределами собственно топонима, лексически не совпадать с квалификатором. Например, для топонима Железные Ворота, где квалификатор Ворота, дифференциатор Железные, идентификатором является географический термин пролив, вынесенный за пределы топонима.

В других случаях идентификаторами для омонимичных топонимов будут термины остров, мыс, поле; для топонима Белая Речка той же структуры идентификаторы в зависимости от объекта – река, покос, озеро, деревня и др. При таком подходе к компонентам составных топонимов решается проблема метонимических переносов и омонимии названий.

Идентификацию объекта в названии на основе дифференцирующего признака можно в определенной степени соотнести с тем, что В. А. Никонов называл «относительной негативностью» топонимов, состоящей в том, что название не основано непременно на самом распространенном признаке местности, а часто как раз наоборот – на редком, выделяющем данный объект из окружающей среды [Никонов 1963].

Топонимы рождаются в ряду подобных с целью отличить искомый объект от подобных, и поэтому некая «негативность» в смысле выбора признака, определенным образом дифференцирующего, отличающего от ряда подобных, в нем присутствует. Субъект названия поневоле должен учитывать окружающую топонимию, особенно названия объектов одного разряда, и отказываться от тех возможностей названия, которые уже реализованы. В противном случае адресность не будет выполняться. Это не значит, однако, что за основу номинации может быть взят некий нереальный, несуществующий признак. Каждый объект обладает целым набором свойств: озеро может быть одновременно кривым по форме, с темной болотистой водой, с заросшими камышом берегами и находится в верховьях водной системы. Из этого набора признаков для названия может быть выбран лишь один, и его выбор будет зависеть от целого ряда обстоятельств, среди которых не последнюю роль будут играть названия соседних озер, с которыми будет соотноситься родившееся название. Топоним, таким образом, не вступает в противоречие с объективной действительностью. Выбор признака будет осуществлен в рамках реально существующих особенностей географического объекта. С другой стороны, если бы перечисленные выше качества были присущи всем окрестным озерам, вряд ли они вообще нашли бы отражение в топонимах

Сказанное выше о содержательной стороне топонимов не вступает в противоречие с тем, что внутренняя форма несущественна для функционирования топонима. Действительно, она отступает на задний план, утрачивает этимологию при жизни географического названия, однако при рождении последний мотивирован. А значит, представление о семантике топоосновы в момент рождения топонима чрезвычайно существенно.

Топонимическая система региона не есть зеркальное отражение действительности. Выбор признака объекта, отраженного в топониме, обусловлен рядом обстоятельств (в том числе человеческий фактор, временной фактор, природные особенности), среди которых роль принадлежит закономерностям ономастической системы. Носитель языка вместе с языком усваивает и систему окружающих его топонимов. Последняя становится для него моделью, когда он сам оказывается перед необходимостью имятворчества, т.е. вынужден присваивать имена географическим объектам. Влияние модели распространяется на все стороны топонима – и на структуру, и на семантику, и на выбор конкретного лексического элемента для номинации. На славянском материале понятие топонимической модели и топонимической системы и влияние последних на процесс номинации разработаны чешским ономастом Рудольфом Шрамеком. Исходя из того, что язык – система, а топонимия – одна из реализаций языковой системы, он логично предполагает, что и ей присуща системность. Это значит, что топонимы обычно не рождаются непосредственно из описательных, характеризующих называемый объект апеллятивов. Образование их опосредовано существующими моделями названия, которые зависят от коммуникативных потребностей, а поэтому включают в себя и социальный, и хронологический аспект. Ряд исследователей признают наличие апеллятивного омонима у ряда топонимов и не отрицают, что часть географических названий могла возникнуть в результате постепенной онимизации апеллятива. Не случайно так сложно бывает в некоторых случаях провести границу между онимом и апеллятивом. Нужна система, в соответствии с которой можно легко образовывать большое количество онимических образований, которые отличаются от апеллятивов как структурно

и семантически. В основе этой системы лежат модели называния, служащие некими образцами в процессе номинации.

Существование таких моделей оказывается чрезвычайно ценным для этнолингвистических изысканий, поскольку часть их имеет достаточно четко очерченные ареалы, формирование которых может быть увязано с экспансией определенных групп населения, историей образования этнических территорий, границ и т. д. В ходе освоения новой территории люди естественно опирались на ту систему топонимов, которая была им известна, и в рамках ее присваивали имена во вновь освоенном ареале. Использовались те же структурные модели (например, набор суффиксов), те же семантические и лексические типы, которые были известны и на материнской территории. В топонимах, восходящих непосредственно к апеллятивам, естественно воспроизводится лексика материнского диалекта. Это никоим образом не противоречит тому, что новые жизненные обстоятельства, природная среда, контакты и т. д. ведут постепенно к выработке новых топонимных моделей. Традиционные типы сочетаются с вновь появившимися.

Для истории заселения наиболее продуктивно использование моделей, которые характеризуются хронологической и географической приуроченностью, т. е. они были популярны лишь в какой-то ограниченный промежуток времени или представляли топонимическую систему определенной локальной группы населения. В этом случае их ареал не размыт и поддается интерпретации. Ареальный или, иначе, типологическо-географический метод, основывающийся на этнолингвистической интерпретации ареалов бытования отдельных топонимных типов, достаточно активно применяется в настоящее время, позволяя в совокупности с другими методами реконструировать пути и этническое содержание освоения территорий на разных хронологических срезах, устанавливать границы этнокультурных зон. Чаще всего в топонимы переходят ландшафтные термины, при этом для индивидуализации оказываются достаточными, как правило, родовые термины (разновидностей болот, возвышенностей и т. д.), имеющие широкий ареал бытования, а поэтому этнолингвистически мало показательные [Фролов 1991]. Из вышесказанного следует,

что наиболее продуктивны топонимные модели, не имеющие апеллятивных омонимов. Таковы, прежде всего, суффиксальные модели, которые, как известно, стремятся отмежеваться от соответствующих апеллятивов и хронологически, и территориально. Впрочем, и многие сложные по структуре топонимы, образованные по принципу несовпадения наиболее типичных онимических и апеллятивных словосложений, оказываются достаточно информативными. Особенно убедительны случаи, когда одна и та же идея – имеется в виду признак, свойство географического объекта, положенный в основу называния, выражается разными этноязыковыми коллективами по-разному – то, что А. К. Матвеев называет ареальными семантическими оппозициями [Матвеев 1987].

Часто названия дифференцируют языковые коллективы. Национально-культурный потенциал топонимов Квебека дает возможность выявить этапы формирования и развития франкоканадского топонимикона. Европейские переселенцы использовали, с одной стороны, географические названия, бытовавшие у аборигенного населения, с другой, создавали новые географические наименования по моделям, характерным для французского языка.

Характерной особенностью франкоязычной топонимии Квебека является ее ярко-выраженный дескриптивный характер. Аборигенные топонимы служили ориентирами, имели практический характер. Этнокультурная информация, заложенная в имени собственном с учетом региональной специфики, описана в работах Березович Е.Л., Голомидовой М. В. Консервирующая сила ономастической номинации сохраняет народный «бытовой» вариант «картины мира». Этнокультурный контекст топонимической системы определенной территории показывает закономерности ономастической мотивации. Процесс географической номинации «начинался с терминологических обозначений» типа река, лог, гора, лес. Затем появляются дескрипторы: озеро Горько-соленое, Глухое, Дикое. Для Русского Севера отмечается метафорическое значение прилагательных «дикий», «глухой», «чистый», которые приобретают терминологический характер.

Таким образом, изучение этнолингвистических аспектов топонимии позволяет выявить культурно-историческую специфику ономастикона и показать универсальность топонимообразования.

Литература

1. Никонов В.А. Топонимия и сравнительно-историческая лексикология. М., 1963.
2. Фролов Н.В. Русские топонимические заимствования из самодийско-угорских языков. Новосибирск, 1991.
3. Матвеев А. К. Географические названия Урала. Свердловск, 1987.
4. Березович Е.Л. Семантические микросистемы в русской топонимии: Дисс. ...канд. филол. наук. Екатеринбург, 1992.
5. Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Дисс. ... д-ра филол. наук: Екатеринбург, 1998.
6. Просвирнина И. С. Особенности семантики русских составных топонимов // Известия УрГУ. Екатеринбург, 2006. №20.